

Александр Гарцев

Снег, который не тает

18+

Александр Гарцев

Снег, который не тает

«Автор»

2026

Гарцев А.

Снег, который не тает / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новый короткий женский роман писателя Александра Гарцева «Снег, который не тает» — это роман, в котором переплелись Чехов и Сартр, театральная богема и философские искания, тихая провинция и шумная Москва. Эта книга — не просто роман о любви. Это история о том, как искусство становится спасением, а боль — топливом для творчества. О том, что настоящее чувство не измеряется анкетами и не вписывается в схемы. О том, что даже в самой темной ночи можно найти свет, если верить в чудо. Это история для всех, кто когда-либо любил, терял, но продолжал верить. Для тех, кто знает: настоящее искусство — это всегда про жизнь. И про смерть. И про воскресение. Прочитайте эту книгу. И вы никогда не будете прежними.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Герои истории	7
Глава 1. Методология	9
Глава 2. Первый респондент	11
Глава 3. Закулисье	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Гарцев

Снег, который не тает

От автора

Я знаю, что такое любовь. Я любил. Я был счастлив. Я был несчастлив. Но я каждый день, садясь писать свою новую книгу, каждый раз еще и еще раз говорю себе: "Я не знаю, что такое любовь!"

И это честно. Это единственное честное признание, которое я могу сделать как писатель. Потому что любовь — это не знание. Это состояние. Это не формула, которую можно выучить, как таблицу умножения. Это территория, на которой нет карт. Это сцена, на которой нет суфлера.

Мы, люди искусства, — самые несчастные существа на свете. Мы пытаемся описать то, что не поддается описанию. Мы пытаемся заковать в слова то, что существует только за пределами слов. Мы как те древние иконописцы, которые верили, что через краски и золото может пройти божественный свет. Но свет не проходит. Он остается там, за пределами холста. Мы лишь создаем его отражение — слабое, дрожащее, несовершенное. И в этом наше величие и наша трагедия.

Помните Анну Каренину? Толстой написал величайший роман о любви, но сама Анна не знала, что такое любовь. Она искала ее в страсти, в покое, в жертве, в бунте. Она смешала любовь с одержимостью. Она приняла ревность за верность. Она погибла, так и не поняв, что убило ее — любовь или невозможность ее удержать. Толстой оставил нам вопрос, а не ответ. Потому что ответа нет.

А Чехов? Его героини — Нина Заречная, Соня, Три сестры — они все говорят о любви. Они ждут ее, как чуда, как спасения, как смысла. Но когда любовь приходит, она оказывается горькой, как полынь, или невыносимо-нежной, как первый снег, который тает на ладони. Чехов не дает нам рецепта. Он дает нам состояние. И в этом его гений.

Я думаю о фильмах Тарковского. Его герои не говорят о любви — они тонут в ней. "Ностальгия" — это фильм о том, как человек ищет свой дом, свою любовь, самого себя в чужой стране. Он несет свечу через пустой бассейн, рискуя упасть, рискуя умереть, но не выпуская ее из рук. Это и есть любовь — способность нести свет, даже когда вокруг тьма. Даже когда никто не видит. Даже когда кажется, что этот свет никому не нужен.

А помните "Солярис"? Там океан создавал копии любимых людей. Он пытался понять, что такое любовь, и в своем несовершенном познании он порождал чудищ — точные копии, но без души. Так и мы, художники, пытаемся описать любовь, иногда создаем чудищ. Мы делаем ее сладкой, сентиментальной, как дешевый роман. Или жестокой, как нож, который вонзается в сердце. Но настоящая любовь не уместается в этих категориях. Она — не сладость и не боль. Она — и то, и другое. Одновременно.

Я перечитывал Бродского. Он сказал: "Любовь — это форма существования материи". И я думаю, он был прав. Она — как гравитация. Она держит планеты на орбитах. Она не спрашивает разрешения. Она есть. Мы можем отрицать ее, как отрицали существование атома до того, как научились его видеть. Но она существует. Мы чувствуем ее притяжение, даже когда не знаем, как оно называется.

Я смотрел спектакли Бориса Юхананова. Он создает театр, где любовь — это не сюжет, а воздух. Она — в паузах, в молчании, в том, что актеры не договаривают. Он понимает, что любовь невыразима. И в этом его сила.

Я видел, как умирала моя героиня. Я вместе с моим героем стоял у ее постели и держал ее за руку. Ее пальцы холодели, и я чувствовал, как любовь уходит из нее, как вода уходит из разбитого сосуда. И в тот момент я понял: любовь — это не чувство. Это присутствие. Это когда ты есть. И когда тебя нет, ее тоже нет. Она не переживает свою смерть. Она просто исчезает.

И все же я каждый день сажусь писать о любви. Потому что искусство — это способ воскресить то, что ушло. Это способ сохранить присутствие. Когда я пишу, я возвращаю свою героиню к жизни. Я даю ей новый выход на сцену. Я позволяю ей говорить, любить, страдать, смеяться. И это — моя любовь к ней. И это — моя попытка понять, что же это такое.

Я знаю, что такое любовь. Я знаю это так же хорошо, как знаю, что снег холодный, а огонь горячий. Но когда я пытаюсь объяснить это словами, я чувствую себя ребенком, который описывает радугу слепому. Я говорю: "Она цветная, она красивая, она идет после дождя". Но слепой не знает цвета. Он не знает красоты. Он знает только дождь. И я понимаю: я могу только показать дождь. А радугу он должен увидеть сам.

Любовь — это всегда чудо. Это когда ты понимаешь, что мир больше, чем ты думал. Что в нем есть нечто, что не поддается объяснению. Что ты можешь быть счастлив в самый страшный день своей жизни, потому что кто-то рядом. И ты можешь быть несчастлив в самый прекрасный день, потому что этого кого-то нет.

Я верю в любовь. Я верю в нее, как верят в Бога — не потому, что я ее видел, а потому, что я чувствую ее присутствие. Потому что она меняет мир. Потому что она делает нас людьми.

Эта книга — мое признание. Я не знаю, что такое любовь. Но я знаю, что она существует. Я знаю, что она спасает. Я знаю, что она мучит. Я знаю, что она дает силы жить. И я знаю, что она — единственное, ради чего стоит умирать.

Читательницы моих романов часто спрашивают: "А у вас была такая любовь? Вы знаете, о чем пишете?" Я отвечаю: "Да. И нет. Моя любовь была не такой, как у моих героев. Она была моей — неловкой, смешной, трагичной, прекрасной.

Но когда я пишу, я дарю ее вам. Я делюсь с вами тем, что узнал.

А узнал я одно — настоящая любовь всегда заканчивается. Она всегда уходит. Но она никогда не исчезает. Она остается в воспоминаниях, в стихах, в книгах, в музыке. Она остается в вас. Пока вы помните, она живет.

И это — единственное утешение, которое я могу вам дать. И единственная надежда.

Герои истории

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ (25 лет)

Биография: Выпускник МГУ (соцфак), красный диплом, но без денег. Мать — учительница, отец — инженер на пенсии (умер 2 года назад). В Москве он «винтик» в скучном маркетинговом агентстве, поэтому сбежал в журналистику, чтобы «дышать». Он умен, начитан, но до ужаса самоуверен и инфантилен.

Характер: Ироничный, язвительный, прячет неуверенность за высокомерной маской.

Портрет: Высокий, худой, близорукий, носит очки с тонкой оправой. Одевается небрежно-дорого: дорогие кеды, но старый свитер.

Речь: Цитирует Фуко и Бодрийера к месту и не к месту. Вставляет английские слова. Говорит быстро, перебивает.

АЛИСА ВЛАДИСЛАВОВНА ВЕСНИНА (26 лет)

Биография: Дочь местной театральной примы. Родилась и выросла в Заозёрске, но могла бы покорить Москву, однако осталась из-за больной бабушки. Играет в театре уже 8 лет, но так и не сыграла свой «бенефис» из-за травмы (психологической).

Характер: Внешне — холодная, интеллектуальная, немного отстраненная «муза». Внутри — ранимая, страстная, боится сцены.

Портрет: Тициановский оттенок волос, серые глаза, тонкие пальцы. Всегда в платках или длинных юбках. Похожа на Офелию, но с острым умом.

Речь: Литературная, ставит ударения правильно, иногда говорит шёпотом на репетициях, но на сцене — громкоподобно. Обожает Чехова и современный французский театр.

Мотив: Желание быть понятой не как «актриса», а как человек. Она ищет в Игоре коллегу, а находит палача (когда он случайно разрушает её легенду о себе).

3. ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ ВЕТРОВ (63 года) — Редактор

Биография: Старый журналист, выгнанный из «Комсомолки» в 90-е. Сейчас доживает свой век в Заозёрске. Вдовец. Знает всех в городе. Циник, но с больным сердцем.

Характер: Мудрый, хитрый, как лис. Он взял Игоря на работу, потому что увидел в нем «своего» (такого же высокомерного дурака в молодости).

Портрет: Сутулый, с вечно мятой рубашкой, пахнет табаком и типографской краской.

Речь: Узко-профессиональная, советские штампы вперемешку с матом, но глубокие формулировки.

Мотив: Спасти Игоря от его же холодности, преподать ему урок жизни через задание.

СТЕПАН МАКСИМОВИЧ ГУРЬЯНОВ (50 лет) — Главный режиссер театра.

Биография: Учился в Москве с Гинкасом, но не срослось, вернулся. Тиран, алкоголик, но гений местного масштаба.

Характер: Деспот. Презирает Игоря за его «научный подход» к любви. Он — «антагонист-соперник» за внимание Алисы (он ставит её спектакли).

Речь: Рубит правду-матку, говорит отрывисто.

Роль: Дает Игорю пинка, говоря: «Ты никогда не поймешь ее, пока не сыграешь сам».

ЛЮБАВА (38 лет) — Подруга/Соседка Алисы, бывший хореограф.

Биография: Сломала ногу на гастролях, сидит дома. Местная «сплетница» и философ.

Характер: Простая, хлебосольная, у нее есть муж-дальнобойщик. Она — голос народа.

Речь: Говорит на «о». Использует присказки.

Мотив: Она в открытую говорит Игорю то, что он боится признать: "Несчастливая любовь — это когда ты думал, что все знаешь, а оказалось, нихрена".

СЕМЁН ИЛЬИЧ (70 лет) — Старый суфлер театра. Немой свидетель всех драм. Он подслушивает разговоры и роняет на сцене книгу, пугая Алису в кульминационной сцене. Символ прошлого.

ОКСАНА (19 лет) — Практикантка в редакции. Влюблена в Игоря (безответно), подает ему кофе. Это «зеркало»: он смотрит на нее так же свысока, как на него смотрит Алиса. Её фразочка: "Ой, Игорь Алексеич, вы как Бродский..."

БАХТАНГ (40 лет) — Администратор театра. Местный «решальщик». Организует Игорю доступ за кулисы, только чтобы тот "не мешал репетировать".

Глава 1. Методология

Запах был первым, что ударило в нос. Не Москва — там пахло выхлопными газами, дорогим кофе из автоматов и нервным потом миллионов. Здесь, на перроне вокзала Заозёрска, пахло сухими яблоками, прелой листвой и чем-то безнадежно советским, вроде мастики для пола, которой натирали коридоры в его школьной поликлинике.

Игорь Лебедев спустился с поезда «Москва–Север», потер озябшие ладони и с отвращением посмотрел на своё отражение в мутном стекле вокзального буфета. Близорукий задохлик в дурацких очках с тонкой оправой. Брендный пуховик сидел на нем мешком, потому что он, интеллигент с красным дипломом МГУ, последние три месяца питался исключительно лапшой быстрого приготовления, пытаясь сэкономить на аренде комнаты в Мурино.

«За МКАД», — повторил он про себя название командировки, и эта фраза прозвучала в голове как приговор. "За МКАД" — там, по логике его московских друзей-маркетологов, заканчивалась цивилизация, начиналась зона отчуждения, населенная людьми в валенках, пьющими портвейн и смотрящими сериалы по кабельному телевидению.

Он должен был написать статью. Нет, не статью — исследование. Общественно значимое исследование на тему «Феномен несчастной любви в современной российской провинции». Идея была бредовой, мелодраматичной и абсолютно не его. Но, когда старый Василий Семенович, главный редактор местной газеты «Вестник Заозёрска», прочитал его резюме по скайпу, его глаза загорелись.

— Социологический факультет? Аналитика? — проскрипел тогда в трубке голос, больше похожий на карканье старого ворона. — Значит, про любовь напишешь. Не про элеваторы и не про дороги. Про любовь. У нас тут её — океан. Страдают все. Сделай опрос, Лебедев. Только, чур, без воды. Дай мне сухую цифру, почему бабы на деревне воют, а мужики пьют.

Игорь тогда снисходительно усмехнулся, сидя в своей каморке перед ноутбуком. Опрос. Легко. Он выпишет анкеты, нарисует диаграммы, вставит пару цитат из Бодрийяра о симулякрах чувств и докажет этому старику, что никакой любви вообще нет. Есть гормональный всплеск, социальный конструкт и элементарная скука. Особенно — за МКАДом.

Он вышел на привокзальную площадь. Город встретил его серым небом и торчащими шпилями старой, еще дореволюционной, водонапорной башни. Машины здесь были старые — ржавые «Жигули» и уставшие иномарки. Люди шли не спеша, с вязкими, какими-то «текучими» лицами. Они не бежали, они жили.

— Молодой человек, вы Лебедев, что ли? — раздался голос сбоку.

Игорь обернулся. Перед ним стоял сутулый старик в нелепой вязаной шапке и мятном коричневом плаще, из кармана которого торчала пачка «Беломора». Лицо его было изрезано морщинами, как старая географическая карта, а изо рта торчал окурочок.

— Василий Семенович? — переспросил Игорь, стараясь скрыть разочарование. Он ожидал увидеть хотя бы подобие столичного интеллигента, а перед ним стоял типичный пьющий краевед.

— Он самый, — старик прищурился и затянулся, выпуская клуб дыма прямо в лицо Игорю. — Смотрю, не похож на нашего. Кожа больно белая, и очки, как у Ленина. Слушай, ты главное — не парься. Задание у нас дурацкое, я знаю. Но читателям в бабах нравится, когда про страдания пишут. Им по телику мелодрам мало, они в газету хотят сунуть нос и сказать: «Ой, а у нас во дворе то же самое, аж мурашки!».

Василий Семенович хлопнул Игоря по плечу, чуть не сбив с него очки, и зашагал к старенькой «Ниве». Игорь побрел следом, чувствуя, как его это начинает царапать изнутри. «В бабах нравится». Отлично. Он, выпускник социологического факультета, автор курсовой

о социальной динамике городских агломераций, превратился в ремесленника, добывающего «страдашки» для уездных домохозяек.

Они ехали по городу. Василий Семенович каркал за рулем, тыкая пальцем в окна:

— Это у нас драмтеатр. Видал? Еще царский архитектор строил. Там такие страсти кипят, ой-ей-ей! Прима у нас — Веснина. Алиса. Ты к ней обязательно сходи, она красавица, но стерва. Дай ей анкету, пусть поплачется, что ее режиссер не любит. А это, — он ткнул в сторону бетонных пятиэтажек, — «Старгород». Там все несчастные. Там каждый второй разведен. Там людям нечего делать, кроме как страдать.

Игорь смотрел в окно и методично набирал заметки в смартфоне. «Драмтеатр — культурный центр. Стервозная прима. Кризис среднего возраста массовый». Он чувствовал себя ученым, приехавшим в джунгли изучать племя. Он был выше всего этого.

Они заехали в редакцию. Маленькая комнатка на втором этаже старого дома, заваленная газетной макулатурой. Пахло пылью и кошачьей мочой — где-то в углу сидел старый рыжий кот и смотрел на Игоря с осуждением.

— Вот твой стол, — Василий Семенович махнул рукой на металлическую парту с облезлой столешницей. — Сочиняй методологию. А я наливаю чай, тут — только так, вприкуску.

Пока редактор гремел кружками, Игорь снял тяжелый пуховик, разложил на столе распечатки анкет. Вопрос номер один: «Испытывали ли вы когда-нибудь чувство безответной любви? (Да / Нет / Затрудняюсь ответить)». Вопрос номер два: «Как вы справлялись с этим чувством? (Алкоголь / Работа / Новая любовь / Смирися)».

Он смотрел на эти сухие, рациональные пункты и усмехался. Легко.

— Слышь, Лебедев, — окликнул его из угла Василий Семенович, жуя сушку, — а ты сам-то любил? По-настоящему? Чтоб сердце в пятки, а в голове пусто?

Игорь поднял бровь, поправил очки.

— Любовь — это химия, Василий Семенович. Серотонин, дофамин. Ученые доказали, что влюбленность — это нейрохимическое состояние, по действию схожее с манией. Я могу вам формулу вывести, если хотите.

— Хе, — старик кашлянул, чай попер ему не в то горло, — формулу... Начитался ты своих книжек, мальчик. Ладно. Поезжай завтра в театр. Возьми анкету, опроси эту Алису. Посмотрим на твою формулу в деле. Только смотри, сам в формулу эту не влюбись, — он подмигнул, и в его мутных глазах мелькнуло что-то дьявольское. — Ибо, когда она тебя отошлет, вся твоя статистика покатится к чертям собачьим.

Игорь иронично хмыкнул.

— Исключено. Я здесь для чистоты эксперимента.

Он взял пачку анкет, сунул в рюкзак и вышел на крыльцо редакции. Осенний ветер ударил в лицо, принося запах реки. На другой стороне улицы, у причала, чайки дрались за кусок хлеба.

Он достал наушник, включил лекцию по постмодернистской философии и зашагал к гостинице.

Ему казалось, что он понимает этот мир. Этот сонный, нищий, глупый мир, живущий за МКАДом. Ему казалось, что он — зритель в первом ряду, наблюдает за примитивными страстями, которые он с легкостью классифицирует и раскладывает по полочкам.

Он ошибался. Но об этом он узнает лишь через неделю, когда увидит серые глаза той самой примы во время монолога на сцене.

А пока было просто задание редакции.

Пустой лист бумаги в его рюкзаке и холодная уверенность в том, что он знает о жизни всё.

Глава 2. Первый респондент

Гостиница "Заозёрск" оказалась именно такой, как он и предполагал: скрипучий линолеум, запах борща из столовой на первом этаже и батарея, которая грела с таким энтузиазмом, что к утру Игорь чувствовал себя вареным раком. Он проснулся в шесть утра от того, что за окном орала какая-то птица, и долго лежал, глядя в побеленный потолок с желтым пятном в углу.

Мысль о предстоящем опросе вызывала у него одновременно скуку и легкое раздражение. Он, социолог с красным дипломом, будет бродить по городу и задавать глупые вопросы людям, которые едва ли понимают разницу между эмпирическим и теоретическим уровнем исследования. Но Василий Семенович был непреклонен: "Живого контакта, Лебедев! Ты должен нюхать их, слышать их голоса, видеть их глаза. Статистика — для отчетов, а для сердца читателя нужна кровь."

"Для сердца читателя", — передразнил Игорь, застегивая пуховик. — "Ну-ну."

На завтрак он взял овсянку, которая напоминала столярный клей, и выпил противный растворимый кофе. Затем, вооружившись пачкой анкет, диктофоном и блокнотом, вышел на улицу.

Осень в Заозёрске была липкой и сырой. Небо висело низко-низко, и казалось, что город вдавлен в землю этим серым бетонным прессом. Люди шли на работу — женщины в пуховых платках, мужчины в брезентовых куртках, пенсионеры с хозяйственными сумками. Игорь смотрел на них и думал: "Как я буду задавать им вопрос о любви? Они же смотрят на меня как на чужака. Я им чужой. Я — москвич, приехавший исследовать их примитивные чувства."

Он выбрал место в городском парке — скамейка у фонтана, который уже не работал и был накрыт брезентом. Идеальное место для наблюдения. Молодые мамы с колясками, старушки с семечками, редкие прохожие. Первым его респондентом стала пожилая женщина в синем пальто, которая сидела на соседней скамейке и кормила голубей хлебными крошками.

— Здравствуйте, — Игорь подошел, стараясь придать голосу максимальную профессиональную вежливость. — Я из газеты "Вестник Заозёрска". Провожу опрос. Вы не могли бы уделить мне пару минут?

Женщина подняла на него глаза — водянисто-голубые, с красными прожилками, но острые, цепкие.

— Опрос? — переспросила она, вытирая руки о пальто. — А о чем?

— О чувствах, — Игорь сел рядом и достал анкету. — Понимаете, мы исследуем феномен несчастной любви. Вы когда-нибудь испытывали подобное?

Женщина посмотрела на него, и ее лицо вдруг изменилось. Оно стало не просто лицом старой женщины — оно стало лицом человека, который вдруг увидел привидение из прошлого.

— Несчастливая любовь? — переспросила она, и голос ее дрогнул. — А ты вот знаешь, милок, каково это, когда тебя бросают прямо перед самой войной? Когда обещают писать письма, а вместо писем приходит похоронка? Через две недели после того, как ушел. Сказал: "Я вернусь, жди". А я до сих пор жду. Мне двадцать два было. Правда, — она усмехнулась горько, — он, наверное, и не думал возвращаться. В сорок третьем там, под Орлом, и поляг.

Игорь застыл с ручкой в руке. Он ждал банальностей: "Он меня обманул", "Он ушел к другой", "Мы не сошлись характерами". В крайнем случае, что-то про измену, про скандалы. Но война? Похоронка? Он не был готов к такому повороту.

Он начал что-то бормотать, успокаивать, но старуха, не обращая на него внимания, продолжала:

— Я его, дура, в загс звала до войны. А он: "Погоди, вот вернусь с победой, тогда и свадьбу сыграем. А то, может, убьют, а ты вдова будешь — это не дело." Он меня берег, понимаешь? Вот так и берег. Полжизни прошло, а я все помню. И все жду.

Она замолчала. Игорь сидел, тупо глядя в анкету. Вопрос номер один: "Испытывали ли вы когда-нибудь чувство безответной любви?" — казался теперь издевательством. Ему хотелось зачеркнуть этот пункт, перевернуть страницу, стереть этот диалог из памяти. Но он был журналистом.

— А как вы справлялись? — выдавил он, ненавидя себя за этот вопрос.

— А никак, — старуха пожала плечами. — Как я справлюсь? Я старуха, ты на меня смотришь. Весь век — на заводе. Детей нет. Мужа нет. Только вот, — она указала на голубей, которые уже облепили скамейку, — они. Голуби.

Игорь закрыл блокнот. Он понял, что ничего не напишет. Эти слова были слишком тяжелыми для его сухой, стройной теории.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— Да не за что, — старуха махнула рукой. — Ты, милоч, смотри, записывай. Надо, чтобы люди знали. Это же тоже — любовь. Хоть и несчастная.

Она встала, отряхнула пальто и, не оборачиваясь, побрела по аллее, волоча за собой хозяйственную сумку. Игорь смотрел ей вслед, чувствуя, как в груди закипает странное, неуютное чувство.

Он открыл диктофон и послушал запись — голос старухи, хриплый, надтреснутый, звучал там, как будто говорила сама История. Он выключил запись и положил диктофон в рюкзак. Ему вдруг захотелось выпить. Не кофе. Чего-то крепкого.

Он бродил по парку еще около часа, безуспешно пытаясь подойти к другим людям. Молодая мама с коляской — "Извините, некогда, ребенок плачет". Мужчина с собакой — "Я не разговорчивый". Двое подростков рассмеялись ему в лицо, когда он заговорил про любовь.

Игорь опустился на ту же скамейку, где сидела старуха, и посмотрел на анкеты, которые так и остались пустыми. Надпись в углу: "Феномен несчастной любви в современной российской провинции". — Смешно, — пробормотал он. — Название-то какое... Грязное.

Он поднял глаза и вдруг замер.

У фонтана, на другом конце аллеи, стояла девушка. Она была одета в длинное, темно-бордовое пальто, шерстяной шарф, который скрывал половину лица, и держала в руках пакет с хлебом — кормила голубей, точно так же, как та старуха.

Но была в ней какая-то... нездешняя грация. Она стояла ровно, как статуя, и ветер развеивал ее огненно-рыжие волосы, выбивающиеся из-под вязаной шапки. Она не смотрела на Игоря. Но он смотрел на нее. И не мог отвести взгляд.

Внезапно она обернулась. Их глаза встретились. У нее были серые, почти стальные глаза — ясные, холодные, как октябрьское небо. Она усмехнулась. Усмешка была странной — полу-ироничной, полузагадочной, как будто она знала о нем что-то такое, чего он сам о себе не знал.

— Вы? — раздался ее голос — мягкий, но с легкой хрипотцой. — Вы ведь из редакции, да? Василий Семенович говорил о вас. Молодой социолог-исследователь. Ну и как вам? Уже полюбили кого-нибудь?

Игорь сглотнул. Он почувствовал, как этот вопрос обжигает его. Он не ожидал такой прямоты.

— Я, — начал он и понял, что забыл, как дышать. — Я просто собираю материал. Это научный подход.

— Научный, — повторила она, и в голосе ее прозвучала отчетливая, почти оскорбительная насмешка. — А вы, социолог, можете измерить страдание? Вопросником, например? — она кивнула на его пачку анкет. — Баллов сколько поставите, когда сердце разрывается? Может, шкалу придумаете?

Она подошла ближе, и он почувствовал запах ее духов — терпких, горьковатых, пахнувших увядшими розами.

— Знаете, — продолжила она, не сводя с него пронизательного взгляда, — я бы предложила вам написать статью не про любовь. Напишите про фальшь. Про то, как люди приезжают в провинцию и думают, что они — боги, а мы тут, за МКАДом, — дикари, которым только и надо, что поплакаться в жилетку. Но у нас тоже есть душа, — она ткнула его анкетой в грудь. — И она, знаете, не всегда лезет в ваши квадратики.

Она развернулась и пошла по аллее, волоча за собой шарф. Голуби взлетели, закружили над ней, как белые хлопья в сером небе. Игорь смотрел ей вслед, ощущая, как в груди бьется сердце совсем не научно — глухо, тревожно, как предупреждение.

Она скрылась за поворотом, а он все стоял, сжимая в руках пачку пустых анкет и чувствуя, как слова этой странной, дерзкой незнакомки вбиваются в его самоуверенность, как осколки стекла.

"За МКАД", — повторил он мысленно. — "За МКАДом у них, оказывается, и душа есть..."

Он закрыл блокнот и понял, что этот день он запомнит надолго. Не из-за старухи с ее похоронкой. Не из-за провала опроса. А из-за этих серых глаз, которые смотрели на него с такой безжалостной, почти жестокой правдой, что у него защемило в глазах.

И он еще не знал, что увидит ее завтра снова — на сцене театра, в образе Нины Заречной. И что именно тогда его "научный подход" начнет трещать по швам.

Глава 3. Закулисье

Октябрь в Заозёрске выдохся. Он больше не был золотым — он стал свинцовым, тягучим, предзимним. Вторник, три часа дня, а солнце уже клонилось к горизонту, прячась за тучами, которые лежали на крышах домов, как тяжелые ватные одеяла. Ветер с реки дул порывисто, сбивая с деревьев последние, уже бурые, листья, и они кружились по асфальту, шурша, как шепот старого суфлера за кулисами.

Театр стоял в самом центре Заозёрска — массивное, чуть облупившееся здание в стиле модерн, с лепниной, которая когда-то была золотой, а теперь походила на заплесневелый парижский торт. Над входом висела афиша: «А.П. Чехов. Чайка. Премьера». Имена актеров были напечатаны бледным шрифтом, и только одно имя выделялось жирным, почти наглым кеглем: АЛИСА ВЕСНИНА.

Игорь замер перед афишей, подняв воротник пуховика и сунув руки в карманы. Он чувствовал себя неловко — как студент на экзамене, к которому он не готовился, но почему-то пришел. Вчерашняя встреча у фонтана до сих пор не выходила из головы. Эта девушка с серыми глазами и насмешливым голосом, которая ткнула его анкетой в грудь и сказала: "У нас тоже есть душа". Он заставил себя считать это случайностью, досадным эпизодом, который не имеет отношения к его работе.

Он вошел внутрь. Театральное фойе встретило его запахом старого дерева, пыли и, как ни странно, духов — тяжелых, сладковатых, театральных. Люстра под потолком горела тусклым, почти траурным светом. В углу, у гардероба, дремала старушка в черном платке. Игорь прошел к администраторской будке, за которой сидел грузный мужчина с восточной внешностью — черные волосы, смуглая кожа, огромный нос картошкой.

— Вахтанг, — представился тот, не поднимая головы от журнала. — Вы, значит, журналист? Василий Семенович звонил. Сказал, к приме надо. К Весниной.

— Да, — Игорь кивнул, стараясь скрыть волнение. — Мне нужно взять у нее интервью для статьи.

— Интервью, — Вахтанг хмыкнул и наконец поднял глаза. Они у него были черными, как маслины, и смотрели на Игоря с ленивым, почти презрительным интересом. — Ну-ну. Только она сейчас на репетиции. Гурьянов, режиссер наш, не любит, когда мешают. Если хочешь — проходи в зрительный зал. Посиди, посмотри. Она через полчаса освободится. Только тихо, как мышка. А то Степан Максимович выгонит, не посмотрит, что ты из Москвы приехал.

Игорь прошел в зрительный зал. Он был старым, с обшарпанными бархатными креслами, высокими колоннами и огромной, темно-бордовой сценой, которая сейчас была залита резким, холодным светом прожекторов. Пахло здесь уже иначе — гримом, потом, деревом, из которого были сделаны декорации. Пахло жизнью, которая кипела за этим занавесом.

Он сел в последнем ряду, стараясь быть незаметным, и уставился на сцену.

Там, под светом прожекторов, стояла она.

Алиса Веснина была в длинном, белом платье, которое делало ее похожей на привидение. Ее рыжие волосы были распущены и спадали на плечи тяжелыми волнами. Она стояла неподвижно, глядя в пустой зал, и рядом с ней, расхаживая по сцене, метался невысокий, лысоватый мужчина в черной водолазке — Степан Максимович Гурьянов.

— Нет! — голос Гурьянова разнесся по залу, как выстрел. — Ты не просто читаешь, Алиса! Ты должна чувствовать! Ты — Нина, которая раздавлена! Она потеряла любовь, она потеряла мечту, она потеряла себя! А ты стоишь, как столб! Где боль? Где эта, чтоб ее, истерика?

Алиса молчала. Она опустила голову, и Игорь с удивлением заметил, что ее плечи дрожат. Она не плакала, нет. Она просто... стояла и смотрела в пол.

— Я знаю, — тихо сказала она, — что такое быть раздавленной, Степан Максимович. Мне не надо играть. Я это проживаю каждый день.

Гурьянов остановился, как вкопанный. Он смерил ее тяжелым взглядом, потом повернулся к темноте за кулисами:

— Свет! Убрать свет! Дайте ей секунду!

Прожекторы погасли, и сцена погрузилась в полумрак. Стало тихо. Только слышно, как за окном воет ветер. Игорь сидел, не дыша. Он не ожидал, что театр — это так... больно.

Через минуту свет снова зажегся. Алиса подняла голову. Ее лицо было спокойным, но в глазах стояла такая глубина, что у Игоря перехватило дыхание. Она посмотрела прямо в зал — не на него, нет, она смотрела сквозь него, в пустоту, в которую, наверное, упирались все ее страхи.

— "Я чайка", — прошептала она, и это слово прозвучало так, что у Игоря по коже побежали мурашки. — "Нет, не то..." — и тут она вскинула голову, и голос ее зазвенел, как натянутая струна: — "Я — чайка! Я не то! Я актриса!"

Сцена ожила. Она начала говорить — быстро, отрывисто, захлебываясь словами, — и Игорь вдруг понял, что не видит перед собой Алису Веснину. Он видел Нину Заречную, раздавленную, сломленную, но все еще живую. Ее руки дрожали, голос срывался на шепот, а потом взлетал до крика. Это было страшно и красиво одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.